

**Канарш
Григорий Юрьевич**

**Комментарий к книге А.В. Прокофьева «Воздавать каждому
должное... Введение в теорию справедливости».**

Во-первых, я благодарен Андрею Вячеславовичу за приглашение к участию в обсуждении его новой книги. Попробую сказать немного о том, какое впечатление произвела на меня книга, точнее, те разделы, с которыми я успел ознакомиться, и которые оказались наиболее интересными для меня как политолога и социального философа. Мне не так просто это делать, поскольку с работами Прокофьева познакомился еще во время учебы в аспирантуре, когда только готовил кандидатскую, а Андрей уже выходил на защиту докторской.

Прежде всего, если говорить о книге в целом, то здесь можно отметить несколько важных моментов, которые ее характеризуют. Во-первых, это проблемно-ориентированный подход. В российской гуманитарной науке с начала 1990-х гг. было издано несколько хороших монографий по современной теории справедливости, однако именно работы Прокофьева отличает то, что в них осуществляется анализ не направлений в теории справедливости (либерализм, коммунитаризм, феминизм и др.), а *определенных проблем* – имеющих как чисто теоретическое, так и прикладное значение (напр., проблема области справедливости, а в ее рамках – анализ проблем космополитической справедливости, справедливости по отношению к природе и др.). Представители отдельных теоретических направлений здесь как бы излагают свою точку зрения по отношению к определенному вопросу. Мне кажется, что такой анализ имеет свои большие достоинства.

Во-вторых, метод, посредством которого работает автор. На мой взгляд, этот метод весьма перспективен, и, опять же, заметно выделяет работы Прокофьева из ряда других работ по данной проблематике. Метод, насколько я его понимаю, состоит не в том, чтобы просто изложить точки зрения разных авторов – современных теоретиков справедливости – по тому или иному вопросу (как часто это происходит в теоретических работах), а в том, чтобы путем тщательного анализа и сопоставления теоретических аргументов и их соотнесения с практическими реалиями, выявить среди множества разнородных и противоречивых позиций те (или ту), которые оказываются наиболее адекватными как в теоретическом, так и практическом плане. Здесь явно работает не традиционный для современной этики и политической философии дедуктивистский подход (свойственный, например, для роулзианской традиции), а подход, имеющий определенное родство с традицией Аристотеля. При этом важно, что автор исповедует отнюдь не релятивистские взгляды: при сопоставлении и анализе различных позиций всегда ясно оговаривается некий *минимум абсолютно* в морали: мораль

существует тогда и только тогда, когда целью является благо *конкретного индивида* (а не группы, сообщества и т. д.).

В-третьих, такой метод исследования позволяет Андрею Вячеславовичу приходиться к весьма убедительным выводам относительно того или иного теоретического вопроса. Например, я с большим интересом и пользой для себя ознакомился с главами книги, посвященными проблемам космополитической справедливости и справедливости по отношению к природе. Трудно не согласиться с выводами Прокофьева о том, что переход от теории международной к теории космополитической справедливости (какого-то ее умеренного варианта) в условиях глобализации оправдан и необходим. И, напротив, парадоксальна ситуация, в которой «главный эгалитарист» современности, американский философ Д. Роулз, изложивший свое понимание основ международной справедливости в известной книге «Закон народов» (1999), фактически оказывается в положении своего противника – известного философа-либертарииста Р. Нозика¹, как известно, ратовавшего за некий минимум справедливого распределения в обществе, заканчивающегося сразу же после того, как гарантирована физическая безопасность каждого². То же можно сказать и в отношении выводов, к которым автор приходит в процессе анализа проблемы справедливости по отношению к природе. Здесь только разобранный список теоретических позиций выглядит весьма впечатляющим (практически весь спектр подходов современной теории справедливости – от разномастных договорных моделей до либерального перфекционизма). И все эти подходы, столь влиятельные сегодня на Западе, проходят как бы двойное «сито»: вначале определяются наиболее адекватные из них, затем анализируется вопрос (поставленный в самом начале главы) о том, насколько адекватной является сама *неантропоцентрическая теория справедливости*. Вывод, как и в раннее упомянутой главе, оказывается достаточно неожиданным и парадоксальным: если в главе о космополитической справедливости мы слышим обоснованный призыв: «вперед, *от* Роулза», то в данной главе, напротив, вывод оказывается *вполне консервативным*: «назад, *к* Роулзу». Иными словами, на взгляд автора, теория справедливости по самой своей сути не может быть неантропоцентрической, т.е. имеющей в виду не человека, а другие живые (и неживые) существа, как и биосферу в целом. Поэтому трудно не согласиться с выводом, что здесь уместен скорее разговор не о правах, а о заботе по отношению к природной среде и существам, ее населяющих (о чем писал Роулз в своей «Теории справедливости» 1971 года).

Думаю, уже два эти примера показывают нетривиальность авторского анализа и выводов.

Наверное, мой отзыв о монографии Андрея Вячеславовича носит в большей мере хвалебный характер, в то время как более полезным мог бы быть критический отзыв. Но критиковать книгу Прокофьева (думаю, многие

¹ Речь идет прежде всего о дискуссии Роулза и Нозика 1970-х гг. Оба философа ушли из жизни в 2002 г.

² См.: *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.

коллеги, из участвующих в обсуждении, со мной согласятся) – дело непростое, по причине фундаментальной и всесторонней проработанности проблем, в ней представленных. Поэтому скажу не столько в порядке критики, сколько о том, чего часто не хватает лично мне в этой и других работах Прокофьева. Отчасти, вероятно, это связано с дисциплинарными особенностями, с тем, что Прокофьев – этик, а я работаю в области социальной философии. Так вот, в работах Прокофьева мне нередко не хватает *материальной реальности*, из которой исходит и к которой в идеале должен возвращаться теоретический и нормативный анализ. Безусловно, в текстах Андрея Вячеславовича как правило всегда присутствует отсылка к практике – это характерная особенность его метода – но, видимо, ему как *социальному этику*, достаточно той сравнительно небольшой степени соотнесенности, которой он придерживается. Так, например, в главе о космополитической справедливости, при обосновании указанного выше теоретического и практического перехода, говорится о глобализации, о тех реалиях и проблемах, которые она порождает, но делается это очень коротко, эскизно, в контексте сугубо теоретического рассмотрения. Точно так же, когда речь идет о современных концепциях космополитической справедливости, в сноске дается достаточно обстоятельное перечисление их авторов и соответствующих работ, но в самом тексте нет анализа ни одной из этих концепций. В то время как многие из них, как например, известная концепция М. Нассбаум, включает весьма интересное описание «институционального дизайна» справедливости для глобализирующегося мира. Впрочем, повторю, Прокофьеву как этику, вероятно, достаточно описания на уровне принципов.

В заключение отмечу, что эту книгу, как и другие, более ранние, работы Андрея Вячеславовича, активно использовал при разработке и чтении спецкурса по теории справедливости для магистрантов факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук, с теми некоторыми дополнениями и коррективами, которые уместны в курсе для студентов-политологов. Студенты нередко удивляются и даже выражают свое негодование по поводу абстрактности теории справедливости и тех изощренных ходов мысли, которые нередко в ней встречаются (и что хорошо видно, в частности, при анализе проблемы неантропоцентрической теории справедливости в обсуждаемой книге). Приходится дополнять курс психологическими комментариями – например, объяснять, что многие особенности этой, по существу, западной, точнее – американской, – теории, обусловлены характерологическими особенностями многих людей Запада – а именно, характерологической *аутистичностью* (от греч. *autos* – сам), т. е. специфической самособойностью мышления и чувствования, с большей или меньшей оторванностью от реальности. Это не аутизм, а здоровая душевная особенность, предрасполагающая к концептуально-теоретическому видению

мира, в основе которого – природное идеалистическое мироощущение³. В России эта особенность выражена слабее, чем на Западе.

И книга Прокофьева дает богатый материал для подобного осмысления и сравнений.

³ См.: *Бурно М. Е.* О характерах людей (психотерапевтическая книга). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2008; *Волков П. В.* Психологический лечебник: Разнообразие человеческих миров. М.: Этерна, 2013; *Канарш Г. Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.